

На правах рукописи

И. С. КУСТОВ

ПРИНЦИП ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

(Специальность № 715 — уголовное право и уголовный процесс)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

На правах рукописи

И. С. КУСТОВ

Проверено 1968

ПРИНЦИП ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

1318 (Специальность № 715 — уголовное право и уголовный процесс)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

код экземпляра

42466

Оренбург — 1970

Работа выполнена во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.

Научный руководитель — доктор юридических наук
Т. Н. Добровольская

Официальные оппоненты:

Доктор юридических наук **Лузгин И. М.**

Кандидат философских наук **Старченко А. А.**

Диссертация направлена на отзыв в Прокуратуру РСФСР

Автореферат разослан „22“ сентября 1971 г.

Защита диссертации состоится „24“ февраля 1971 г.
на заседании Совета Всесоюзного института по изучению причин и
разработке мер предупреждения преступности (г. Москва, 2-я Звенигородская, д. № 15).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке.

Ученый секретарь Совета кандидат юридических наук
(В. Братковская).

В сложном комплексе программных задач Коммунистической партии весьма важное место занимает задача искоренения преступности и обеспечения строгого соблюдения социалистической законности в стране. Партия требует от следователей, судей и прокуроров постоянно руководствоваться ленинским указанием о том, «чтобы ни один случай преступления не проходил не раскрытым»¹ и ни один невинный не был осужден. Успешная борьба с преступностью невозможна без установления истины по делам, находящимся в производстве следователей и суда.

Проблема истины в правосудии является одним из основных методологических вопросов советского правосудия. Избирая тему диссертационной работы, автор учитывал именно это теоретическое и практическое значение проблемы, а в ее разработке опирался на марксистско-ленинскую теорию познания, достижения советской философской науки и уголовно-процессуальной теории, изучение и обобщение материалов как опубликованной, так и неопубликованной и судебной практики.

Диссертант всем опытом своей практической деятельности в качестве следователя и прокурора убежден в том, что трудности установления истины на предварительном следствии и в суде есть трудности практического, а не гносеологического свойства, в силу чего они, в принципе, преодолимы.

В диссертации предпринята попытка: исследовать философскую природу и содержание истины, устанавливаемой в уголовном процессе; обосновать, что установление истины по каждому делу является одной из задач судопроизводства и одной из демократических основ советского правосудия; раскрыть содержание и специфику действия принципа объективной истины в различных стадиях процесса; разработать рекомендации по совершенствованию практики расследования и разрешения уголовных дел, которые, по мнению диссертанта, будут способствовать успешному раскрытию

¹ В. И. Ленин, полн. собр. соч., т. 4, стр. 412.

преступлений, изобличению виновных лиц и ограждению невинных от привлечения к уголовной ответственности и осуждения.

Диссертация состоит из предисловия, 3-х глав и заключения. В предисловии обосновывается теоретическая и практическая актуальность диссертационной темы, побудившая автора обратиться к ее исследованию.

Глава I посвящается исследованию философской природы и содержание истины, устанавливаемой при расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел, состоит из трех параграфов.

В первом параграфе диссертант аргументирует возможность достижения абсолютной истины в судопроизводстве и дает критический анализ различных точек зрения по данному вопросу, высказанных в литературе.

Разделяемая автором концепция развивается им путем анализа: сущности философских категорий, являющихся ступенями процесса познания; диалектической связи и соотношения истины в суде с другими философскими категориями; особенностей их действия в конкретных процессуальных условиях, чем определяются характерные особенности истины по уголовному делу.

Вывод о возможности достижения абсолютной истины в уголовном процессе обосновывается тем, что здесь объектом познания является не всеобъемлющий, беспредельно многообразный и бесконечно развивающийся мир в целом, который абсолютно познать невозможно, а конкретное преступление, которое, будучи совершенным, остается неизменным и как «забальзамированный» факт, ограниченный координатами места и времени, может быть познан глубоко и полно.

Данное социальное явление как частица действительности небольшого масштаба, обладающая количественной и качественной определенностью, может быть точно и глубоко познано в соответствии с законом абстрактного тождества именно такой, какой оно было в момент совершения.

Ограниченность истины определенными рамками не делает ее относительной. Напротив, возможность достижения абсолютной истины находится в диалектической связи с этой ограниченностью в том отношении, что именно четкие границы определенного конкретного предмета познания позволяют получить о нем глубокие и полные знания.

В сфере судопроизводства исследуется не бесконечное множество связей, а раскрывается значение категорий причины и следствия, свободы и необходимости, необходимости и случайности, содержания и формы, сущности и явления, которые полно характеризуют правовую сущность преступного события.

В этой области познания также применяются логические законы тождества, противоречия и исключенного третьего, направляющие мышление человека к достижению истины.

Истина в уголовном процессе, обладающая признаками точности и неопровержимости, и есть по своей сущности абсолютная истина конкретного факта.

Однако наделенная к тому же свойствами полноты и глубины, она не тождественна с банальной истиной, а имеет от нее существенное отличие.

Если истина «плоскость» отражает лишь один простой, однозначный факт, а потому бедна по своему содержанию, имеет «урезанную» сущность, истина в судопроизводстве — это содержательные знания о сложном факте, состоящем из совокупности действий; о его различных связях и многосторонней сущности, отражающих общественно-политическую, моральную, психологическую и правовую стороны события.

В уголовном процессе истина, насыщенная по своему содержанию, свободна от недостатка «банальной» истины-неполноты и вместе с тем обладает такими ее характерными свойствами, как точность и неопровержимость. В. И. Ленин подчеркивал, что подобные неопровержимые, вечные, абсолютные истины существуют, и признание их является азбучным для всякого материалиста. Отрицание таких истин обнаруживает незнание ни материализма, ни диалектики.¹

Во втором параграфе исследуется взаимосвязь составных элементов содержания истины по уголовному делу, к которым автор относит соответствующее действительности установление фактических обстоятельств, правовую квалификацию и правильное назначение наказания.

В связи с тем, что данная проблема является спорной, автор подвергает критике взгляды процессуалистов, которые относят к содержанию истины: а) правильные выводы лишь о фактических обстоятельствах дела и тем самым отрывают их от их политико-юридической сущности, без которой они как преступные не существуют; б) фактические обстоятельства и юридическую квалификацию и недооценивают того, что закон обуславливает выводы суда о наказании не субъективными соображениями судей, а реально существующей и точно установленной степенью общественной опасности преступника.

Автор вскрывает и анализирует цепь объективных и субъективных факторов, открывающих возможность достижения объективной истины и при квалификации и назначении наказания.

Суть их усматривается в том, что: а) квалификация преступления

¹ См. В. И. Ленин, полн. собр. соч., т. 18, стр. 134—135.

и назначение наказания является результатом процесса познания. При применении правовой нормы констатируется соответствие конкретного деяния формализованным признакам состава преступления. С логической точки зрения здесь происходит дедуктивный процесс. Относясь к оценочным суждениям и не всегда прямо соотносясь с фактами, выводы по этим вопросам в итоге обязательно связаны через ряд промежуточных звеньев с объективно существующими обстоятельствами преступного события; б) одна из целей наказания — исправление и перевоспитание преступника реальна и научно обоснована, а поэтому ее практическая осуществимость является стимулом, способствующим достижению истины при избрании наказания. Эта цель достигается путем проникновения в сущность объективных закономерностей процесса воспитания, учета законов психических явлений, окружающих обстоятельств, правильного применения способов и средств, выработанных наукой и практикой.

Различая гносеологическое понятие истинности и социальное понятие справедливости, автор вместе с тем считает, что в советском обществе с дружественными классами эти понятия не исключают друг друга. Поскольку право отражает здесь волю всего народа, справедливой должна признаваться лишь та мера наказания, которая является результатом истинных знаний о действительной степени общественной опасности лица;

в) правовая оценка содеянного находит единое выражение в квалификации и назначенном наказании. Мера и вид наказания, как и признаки преступления, реально воплощены в правовой норме, имеющей объективное содержание, доступное познанию. Поскольку назначение наказания связано с прогнозированием, не исключая ошибок, существование в нашем праве институтов условно-досрочного освобождения осужденного и замены наказания более мягким является доводом в пользу концепции отнесения справедливости наказания к содержанию истины.

Совершенствование законодательства и изменение правовых норм, зависящее от изменений правовой сущности охраняемых ими общественных отношений, не опровергает, а подтверждает истинность познания этой сущности законодателем и возможность ее познания судом: г) определенность юридических составов, содержащих количественное и качественное единство, и отказ от аналогии объективно отсекают пути к произвольному отклонению в судебных решениях от четко выраженной в правовой норме воли государства и обеспечивают возможность достижения истины; д) наличие определенных санкций указывает путь поиска истины, очерченного рамками «от — до», и, стимулируя познание, позволяет определить наказание, правильно отражающее

степень опасности преступника, существующего независимо от сознания судей; е) поскольку в такой сложно организованной системе — «общественной опасности преступления» нет наглядных границ, то критерием справедливого наказания будет тяжесть содеянного и всесторонний анализ значения всей совокупности обстоятельств, смягчающих и отягчающих вину подсудимого. Истина наказания должна быть содержательно достоверной. Вывод о наказании как «сжатый монолитный сплав» знаний о степени общественной опасности подсудимого может быть истинным так же, как и реальны те фактические обстоятельства, которые характеризуют эту степень. Факты имеют объективное содержание, хотя и оцениваются судьями субъективно. Находясь во взаимодействии, эти факты определяют степень общественной опасности личности, концентрированным выражением познания которого и должно быть правильно назначенное наказание.

Автор приходит к выводу, что отсутствие в законе формализованных правил назначения максимального, среднего и минимального наказания лишь затрудняет проверку правильности его назначения. вместе с тем открывает широкий диапазон для внутреннего убеждения судей, обеспечивает возможность всестороннего анализа роли каждого факта, глубокого исследования значения всей совокупности обстоятельств при выборе наказания. Диссертант доказывает теоретическую и практическую важность правильного решения проблемы содержания истины и считает, что исключение из нее вывода о наказании ведет к опустошению содержания истины и не способствует осуществлению задач советского правосудия.

В третьем параграфе автор аргументирует тезис, что критерий истины в уголовном процессе следует искать не в сознании следователей и судей, а только в практике, связывающей реальную действительность и знания о ней.

Характеризуя понятие практики как сложную и поддающуюся научному анализу конструкцию, диссертант считает, что уголовно-процессуальная деятельность как особый вид практики, определяемый характером целенаправленных действий и родом изучаемых явлений, обладает своими специфическими особенностями: строгой законодательной регламентацией способов и приемов этой деятельности (допросы, осмотры и т. п.); активностью деятельности, протекающей в сжатых рамках процессуальных сроков, необычностью объекта познания и специальными субъектами познания.

Уголовный процесс — сфера практики, а всестороннее, полное и объективное расследование и разрешение уголовных дел является общей характеристикой ее содержания. В деятельности следственных и судебных органов она выступает в непосредственной и

опосредствованной проверке выводов фактами. Но факты начинают играть роль критерия истины, когда они влетают в сферу познания и осмысливаются человеком с помощью знаний, ранее приобретенных им также практическим путем. Поэтому критерий истины выступает как процесс соединения объективного и субъективного, как единство совокупности фактических действий и комплекса мыслительных операций исследователя. Одной из форм практики является сбор, уточнение и сопоставление, всесторонний анализ и синтез доказательств: только органически связанная совокупность проверенных достоверных доказательств выступает на заключительном этапе исследования в виде критерия истинности полученных знаний.

Однако критерий истины в уголовном процессе не ограничивается сферой опыта по одному делу. Универсальный критерий выражается в общественной практике, выступающей в виде применения профессиональных знаний, навыков и житейского опыта следователя и судей; использования ими знаний других участников процесса, специальных достижений в различных отраслях естественных и технических наук; применения обобщенного опыта, сконцентрированного в правовых нормах, отражающих насущные потребности практики.

Автор в критическом плане рассматривает точки зрения советских процессуалистов, принимающих за критерий истины закон, субъективную уверенность исследователя, социалистическое правосознание. Ни одна из этих категорий не может претендовать на роль безошибочного критерия истины, ибо каждая из них основывается и совершенствуется, в конечном счете, под воздействием практики, являющейся «лабораторией зарождения и развития» человеческих знаний.

Исходя из того, что В. И. Ленин, признавая определенность и неопределенность критерия практики, выводил его неопределенность из изменения окружающего мира и самого практического процесса¹, диссертант считает, что практика как критерий истины по отдельному уголовному делу может иметь абсолютно определенное значение, так как: А) здесь познаются отдельные, четко зафиксированные в пространстве и времени и в будущем не развивающиеся факты; Б) практическая деятельность по их исследованию с завершением уголовного процесса по данному делу не развивается, а завершается и оказывается неопровержимой; В) дальнейшее совершенствование метода и процессуального режима исследования события не исключает определенности критерия по разрешенному делу потому, что в практике содержится не только общее,

¹ Такой метод анализа применен В. И. Лениным при исследовании, например, диалектики развития объективной истины всей общественно-экономической теории Маркса см. В. И. Ленин, полн. собр. соч., т. 18, стр. 145—146.

подвергающееся изменению, но и единичное неповторимое, которое как важнейший компонент индивидуализирует практику по конкретному делу и характеризует ее как в будущем неизменный акт.

В главе II исследуется правовое значение и содержание требования устанавливать истину по каждому делу. Изложив критические замечания по ряду определений понятия принципа, данных в процессуальной теории, автор в первом параграфе определяет принцип как закрепленное в законе, наиболее общее и основное обязательное требование, выражающее демократическую сущность советского строя и уголовного процесса, определяющее развитие других правовых норм и регулирующее характер деятельности и правоотношения участников процесса. В работе раскрывается сущность наиболее важных составных элементов данного понятия.

Отмечая наличие разногласий среди процессуалистов по вопросу о правомерности конструирования системы принципов для отдельных стадий и всего процесса в целом, диссертант полагает, что в советском уголовном процессе действуют единые принципы, которые в отдельных стадиях процесса могут реализоваться в различном объеме, потому, что все стадии процесса имеют не только единую конечную задачу, но и специфические задачи, и характерные для данной стадии полномочия участников процесса.

Во втором параграфе аргументируется необходимость признания объективной истины в качестве принципа процесса путем исследования составных элементов понятия принципа вообще и характерных черт требования установить истину в частности.

Поскольку требование установить истину закреплено в законе (ст. 2 и другие УПК)¹, обладает характерным для принципа свойством обязательности такой степени, что отступление от него приводит к недействительности вывода и является наиболее общим основополагающим началом, влияющим на характер деятельности и правоотношений участников процесса, то оно неизбежно является принципом процесса.

Определяя сущность и характер реализации всех других принципов процесса, он сам находится в органической зависимости от их полного осуществления. Успешная реализация всей их совокупности необходимо должна превращать возможность достижения истины в действительность по конкретному уголовному делу.

Анализируя роль отдельных принципов в достижении истины, диссертант обосновывает предложения об обязательном участии защитника в стадии расследования и при рассмотрении дела в суде, вне зависимости от желания обвиняемого и усмотрения суда, по делам о преступлениях, за совершение которых может быть назна-

¹ Здесь и в последующем имеются в виду УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик.

чена высшая мера наказания, и о тяжких преступлениях, совершенных лицами, страдающими физическими или психическими недостатками, либо несовершеннолетними; о наделении потерпевшего правом выступления в прениях по всем уголовным делам; об ознакомлении потерпевшего, гражданского ответчика со всеми материалами и по всем уголовным делам; о допуске защитника в процессе по всем делам с момента предъявления обвинения.

В третьем параграфе принцип объективной истины рассматривается и как ближайшая цель и одновременно как задача судопроизводства. Требование достичь истину выступает и как желаемый результат процесса познания и как задача органов следствия и суда, ибо задача по установлению истины может быть выполнена, если ее исполнители нацеливают себя на ее осуществление. Единство задачи и целей консолидирует усилия участников процесса и содействует достижению истины по уголовному делу.

Глава III посвящена реализации принципа объективной истины в различных стадиях производства по делу. В первом параграфе исследуются различные аспекты реализации принципа объективной истины в стадии предварительного расследования. На основе анализа процессуальных норм (ст. 2, 3, 68 УПК и др.) формулируется вывод, что органы дознания и предварительного следствия призваны с достоверностью познать все юридически значимые стороны содеянного, установить истину. Требование полноты, всесторонности и объективности расследования (ст. 20 УПК) и является юридической формулировкой сути данного принципа.

Раскрывая процессуальное и общественно-политическое значение акта предъявления обвинения, диссертант полемизирует с теми процессуалистами, которые допускают в разных вариантах возможность предъявления обвинения не на основе достаточных доказательств, а на предположениях.

Следователь, конечно, встречается и с вероятными суждениями. Когда он конструирует и проверяет различные версии, происходит многоступенчатый процесс познания. На определенном этапе расследования — при предъявлении обвинения он должен оперировать достаточными доказательствами, которые, по нашему мнению, установили бы конкретный состав преступления, указывали на лицо, его совершившее. Следователь должен допускать возможность изменения и опровержения обвинения и, получив показания обвиняемого, продолжает следствие, собирает новые доказательства.

Однако к моменту завершения расследования обвинение должно быть абсолютно точным. Именно длящийся характер расследования и поэтапность познания позволяют обосновать совместимость требований о достаточности доказательств для предъявления обвинения с продолжающимся сбором доказательств и об обоснованности

обвинения с своевременным его предъявлением без нарушения права обвиняемого на защиту.

На основе обобщения деятельности следственных органов ряда краев и областей Союза классифицируются наиболее типичные ошибки, препятствующие достижению истины: предъявление обвинения при неисследованности всех обстоятельств, подтверждающих наличие определенного состава преступления; изложение обвинения в виде общих формулировок, без указания конкретных фактов, положенных в его основу; обоснование обвинения предположениями и отдельными непроверенными уликами. С учетом результатов обобщения автором разработаны меры по устранению этих ошибок.

Истина постигается и в тех случаях, когда стадия расследования завершается прекращением уголовного дела по основаниям, указанным в статьях 5, 6, 9 УПК РСФСР, достоверный вывод о которых может быть результатом лишь глубокого исследования фактических данных и правильной правовой оценки всего события.

Учитывая большое значение правильного решения вопроса об отклонении ходатайств обвиняемого и его защитника в момент окончания следствия и психологические трудности преодоления уже созревшего к этому моменту убеждения следователя о полноте расследования, диссертант предлагает дополнить ст. 204 УПК РСФСР указанием на обязательное санкционирование прокурором отказа следователя в удовлетворении заявленных ходатайств.

Во втором параграфе исследуется действие принципа объективной истины в стадии предания суду. Действие его в этой стадии проявляется в том, что оно имеет своим назначением подготовку необходимых условий для достижения истины в стадии судебного разбирательства, и что сами решения, принимаемые в этой стадии (а это имеет большое практическое значение), должны быть обоснованными.

Данный тезис аргументируется следующими доводами: а) в этой стадии по целому ряду вопросов неизбежны выводы, аккумулирующие в себе знание, которое может быть только истинным или неистинным; б) здесь происходит специфическое познание, так как оцениваются лишь имеющиеся в деле доказательства; в) Однако они неизбежно признаются в той или иной мере достоверными или недостоверными, и суд должен установить истину, когда в распоряжении заседания исключается часть обвинения, прекращается дело, если абсолютно доказано отсутствие события, состава преступления, либо не доказано участие обвиняемого в его совершении. Решение о назначении дела к слушанию также должно быть обоснованным и отражать действительный факт достаточности оснований для рассмотрения дела в судебном заседании.

В третьем параграфе освещаются различные аспекты реализации принципа объективной истины в суде первой инстанции. Судебное исследование как разновидность многочисленных и специфических видов познания действительности может достичь достоверные знания. Эта возможность состоит из целого комплекса взаимосвязанных факторов, определяющих направление и результат познания: 1. Познаваемость объекта судебного исследования, конкретного преступного события, инкриминируемого подсудимому (обстоятельства, подлежащие доказыванию, перечислены в ст. 68 УПК). 2. Наиболее широкое действие принципов процесса (принцип гласности, коллегиальности и др.), обеспечивающее комплексное исследование доказательств всеми участниками процесса одновременно и в одинаковой обстановке. Борьба различных мнений хотя и усложняет процедуру разбирательства, однако создает предпосылки для устранения односторонности, стимулирует познание и содействует формированию правильного убеждения судей.

3. Самостоятельность судебного исследования, включающая в себя независимость от выводов следователя и прокурора, право истребовать новые доказательства, отложить разбирательство дела, приостановить производство и направить дело на дополнительное расследование. Диссертант раскрывает специфику влияния этих полномочий на достижение истины и вносит предложение об изменении ст. 283 УПК с тем, чтобы: во избежание постановки наводящих вопросов заинтересованным участником процесса вызванному по его ходатайству свидетелю, распространить и на него обычный порядок допроса, обеспечивающий получение достоверных показаний: в целях дальнейшего совершенствования гибкости судебной процедуры наделить суд правом удалять из зала допрошенного свидетеля, если возникнет необходимость поставить ему дополнительные вопросы лишь после допроса очередного свидетеля, когда предварительная осведомленность первого о показаниях второго крайне нежелательна.

Чтобы исключить любые формы влияния на судей, находящихся в совещательной комнате, и в частности, телефонные переговоры, предлагается дополнить ст. 302 УПК и после слов «приговор постановляется в совещательной комнате» указать «...изолированной от других и не имеющей никаких видов современных средств связи».

Полагая, что только полная доказанность обвинительного вывода дает право вынести обвинительный приговор, а малейшее сомнение в доказанности лишает суд такой возможности — автор на основе проведенного исследования считает, что сомнение как основание для оправдательного приговора должно отвечать следующим требованиям: а) быть не мнимым, а действительным; б) не мимолетным, а устойчивым, оставшимся и после тщательного исследо-

вания всех имеющихся в деле доказательств; в) наличным, непреодоленным и тогда, когда исчерпаны все возможности, проверить это сомнение в процессе судебного и дополнительного следствия. Учет сформулированных выше условий можно, по мнению автора, считать специальным критерием законности и обоснованности оправдательного приговора.

Истина судебного приговора наделена свойствами достоверности и полноты, как необходимыми компонентами, органически присущими объективной истине.

Однако в отличие от истины в стадии предварительного следствия она содержит в себе выводы о наказании, гражданском иске, т. е. обладает большим объемом знаний по более широкому кругу вопросов. Это отличие не сводится к простому количественному увеличению однородных слагаемых в ее содержании, а представляет собой качественно новое знание с более глубоким содержанием. Если следователь только выявляет и лишь приблизительно определяет значение разрозненных смягчающих и отягчающих вину обстоятельств, не влияющих на квалификацию преступления, то суд, подвергая их более тщательной мыслительной обработке и объединяя их в общий «поток», уже точно синтезирует значение всей их совокупности как единого целого. В результате восхождения от абстрактного к конкретному в исследовании всех этих обстоятельств суд охватывает познанием сложнейшую социальную категорию — степень общественной опасности лица. Таким образом он достигает в этом плане более высокую степень познания, необходимую для вынесения приговора — важнейшего акта советского правосудия.

В работе вскрываются и анализируются наиболее существенные отклонения от истинного процесса познания, допускаемые в судебной практике: поверхностное исследование доказательств, в результате которого выносятся приговоры, основанные на спорных, противоречивых доказательствах, допускающих двойственное толкование фактов: допущение произвольных умозаключений, как следствия неумения определять достаточную совокупность доказательств, когда за совокупность принимаются отдельные факты; ошибочное отношение к признанию подсудимого как к лучшему доказательству; непреодоленная тенденция к переоценке значения заключения экспертизы и обоснование выводов на заключении, противоречащем достоверно установленным фактам; обоснование приговора доказательствами, не обладающими надлежащей процессуальной формой и свойством допустимости.

В четвертом параграфе исследуется специфика условий познания в кассационной и надзорной инстанциях. Осуществление задач советского правосудия находится в прямой зависимости от закон-

ности обоснованности приговора как правовых категорий, отображающих результат сложного процесса познания истины.

Подвергнув критике концепцию — «вышестоящая инстанция проверяет, а не устанавливает истину», диссертант развивает тезис: что понятия проверки не противостоят понятию установления истины и что вышестоящая инстанция может проверить истинность приговора, если ее собственные выводы будут содержать истину.

Оба понятия отражают суть одного положения: вышестоящий суд, проверяя истинность приговора, сам достигает истину, а его ошибочный вывод — свидетельство неправильной проверки истинности приговора. Проверка — есть своеобразное исследование, ибо процесс изучения обстоятельств дела и логического сопоставления понятий, суждений и выводов, сформулированных судом первой инстанции, со своими понятиями, суждениями и выводами и является специфическим способом проникновения в сущность преступного события.

Различные отклонения от очерченного законом объема исследования (предмета и пределов доказывания) диссертант обобщил под углом зрения классификации оснований к отмене и изменению приговора. В работе подробно исследуется связь каждого основания для отмены и изменения приговора с содержанием истины, зависимость объема и глубины познания от полномочий вышестоящего суда по принятию решений как средств исправления судебных ошибок. Анализируются причины и виды этих ошибок, выражающиеся в частности, в виде неправильного определения мотива и цели, поверхностного исследования признаков, разграничивающих смежные составы преступления, неправильного определения вида режима и признания подсудимого особо опасным рецидивистом и т. д. В диссертации рекомендуются процессуальные методы устранения этих ошибок.

Выводы вышестоящего суда должны быть достоверными и полными, потому что, облекаясь в официальную форму процессуального документа, получают директивно-властный характер и, либо придают законную силу приговору, либо лишают его этого свойства. Обоснованное оставление приговора без изменения свидетельствует о полном совпадении выводов с результатами познания в суде первой инстанции, а отмена приговора с прекращением дела — о наличии диаметрально противоположного по своей сути вывода, исключающего истинность судебного приговора. Если при прекращении дела и изменении приговора вышестоящий суд сам устраняет существенные ошибки и насыщает его истинным содержанием, то при отмене приговора с направлением дела на новое рассмотрение такое требование адресуется другому компетентному органу.

В работе формулируются следующие в теоретическом и практи-

ческом плане весьма важные положения: 1) утверждение об установлении истины вышестоящим судом совместимо с тем, что этот суд не устанавливает факты, так как: а) ограничения по их установлению не обесценивают, а, напротив, гарантируют достоверность знаний вышестоящего суда; б) при определенных обстоятельствах, и в случае бесспорности, вышестоящий суд может установить новые факты, если они смягчают ответственность лица; в) установление нового факта не является обязательным условием достижения истины, ибо при законном и обоснованном приговоре вообще отсутствует необходимость и возможность установить новые факты; 2) познавательные возможности вышестоящего суда не отвергаются его правом о направлении дела на новое рассмотрение, так как такое постановление обосновывается на познании подлинных фактов нарушений закона, допущенных в предшествующих стадиях; выносятся в интересах истины и указывает средства устранения помех на пути к ее достижению.

На основе требований ст. 379 УПК и судебной практики анализируются причины и характер ошибок вышестоящих судебных инстанций, заключающихся в необоснованной отмене, изменении и оставлении приговоров без изменения, и делаются соответствующие выводы. Учитывая практическое значение дальнейшего совершенствования судебной деятельности, диссертант поддерживает высказанное в литературе мнение о целесообразности закрепления в законе права суда ставить вопросы осужденному и иным лицам, дающим объяснения в кассационной инстанции; о наделении осужденного (содержащегося под стражей) правом участия в кассационной инстанции независимо от места его нахождения под стражей.

В пятом параграфе главы III исследуются особенности пути достижения истины в стадии пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Основания пересмотра, сгруппированные по общим признакам, условно разграничиваются автором на две группы — «субъективного», и «объективного» происхождения. Источник возникновения оснований первой группы в сознательном противодействии процессу познания, а второй группы в объективных трудностях их познания. Однако и субъективные усилия отдельных лиц находят объективированное выражение в конкретных практических действиях. Из анализа свойств разнovidных оснований формулируется общий вывод, что приговор во всех случаях с самого начала не содержит истину.

Сконструировав определенную схему и применяя ее, автор разграничивает приближенные понятия «новые сведения», появляющиеся при надзорной проверке, и «новые обстоятельства» при возобновлении дела. Раскрывая сущность последних, диссертант относит к ним такие данные, а) о наличии которых в материалах дела

не было никаких указаний и вывод об их отсутствии внешне представлялся логически обоснованным; б) неизвестные существенные (значительные) обстоятельства, способные по своему содержанию повлиять на количественный и качественный объем ранее полученных знаний, а не малозначительное обстоятельство, с «бедным» содержанием, лишенное качества существенной новизны; в) появляющиеся и приобретающие свойства новизны лишь в результате необходимого прокурорского расследования; г) которые связаны с сущностью обвинения и способны изменить вывод, по крайней мере, об одном из элементов содержания истины и, в частности, смягчить вину лица. В связи с этим рекомендуется дополнить ст. 384 УПК ссылкой на обстоятельства, характеризующие «большую или меньшую степень общественной опасности осужденного», а также указанием на возможность установления, в отдельных случаях, подложности доказательств материалами расследования, если лицо на основании статей 6—10 УПК не привлекается к уголовной ответственности.

Утверждение о возможности достижения истины в данной стадии подтверждается также высокой эффективностью способа познания. В нем, как в узле, сконцентрированы многогранные возможности и следственных и судебных органов. Детально исследовав специфику методов постижения истины при осуществлении различного рода полномочий, диссертант приходит к выводу, что обособленное отклонение заключения прокурора явится завершающим истинным выводом суда, а возобновление дела по любому из оснований создает решающие предпосылки для целенаправленного поиска и достижения истины в определенной стадии. При изучении структуры ошибок, встречающихся в судебной и прокурорской практике, автором обращается внимание на недопустимость упрощенчества процессуального режима и тенденцию исправления ошибок в надзорном порядке.

Значение данного института в решении проблемы истины усматривается диссертантом и в том, что самое его действие подтверждает наличие глубоко завуалированных обстоятельств, познание которых требует серьезных интеллектуальных усилий и опровергает утверждение о невозможности познания по сложным делам. Весь процесс исследования темы логически завершается выводом, что все стадии советского уголовного процесса — это развивающиеся и органически взаимосвязанные звенья единой системы познания и достижения по спирали развивающейся в своем содержании объективной истины.

В заключении автор формулирует наиболее важные теоретические выводы и концентрирует предложения по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Диссертант надеется, что данная работа поможет уяснить с марксистских позиций многие сложные теоретические правовые проблемы и избежать ошибок при расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел и тем самым содействовать успешной борьбе с преступностью и соблюдению социалистической законности, что является важнейшей задачей всех кадров партии и государства¹.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Философская природа истины, устанавливаемой в советском уголовном процессе «Сб. «Вопросы борьбы с преступностью». М., 1967.
2. Содержание истины в советском уголовном процессе. Сб. «Проблемы борьбы с преступностью». М., 1968.
3. Содержание истины при предъявлении обвинения «Социалистическая законность». № 2. М., 1969.
4. Полнее использовать возможности стадии предания суду. «Советская юстиция». № 4. М., 1969.

¹ См. постановление Пленума ЦК КПСС от 3. УП. 1970 г. Очередные задачи партии в области сельского х-за». «Правда», 4 июля 1970 г.

1318

